ПРОБЛЕМА ГРАНИЦ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ: КУЛЬТУРА И ДИПЛОМАТИЯ

М.В. Силантьева

Аннотация. *Проблема границ современной науки, рассмотренная сквозь призму понятий «культура» и «дипломатия», представляется актуальной прежде всего в силу своей практической остроты. Перераспределение «центров силы» на международной арене, наслаиваясь на непрямую глобализационную динамику, способствует созданию инновационных форм организационного-коммуникативного взаимодействия в науке и на основе науки. В числе таких форм – проект «науки без границ». Наука выдвигается здесь в качестве безусловного образца «правильного» формата общения для всех заинтересованных сторон, воплощая собой модель гармонизации интересов за счёт обращения к авторитету пострациональности – то есть доказательного интерсубъективного знания, верифицируемого и фальсифицируемого.*

В результате «наука без границ» предстаёт как аргументированная стратегия постепенного продвижения к большему взаимопониманию и взаимной поддержке в решении насущных проблем силами всех участников межкультурного диалога. Им предлагается общая культурная платформа для достижения взаимовыгодных договорённостей, вполне реалистическая и при этом ориентированная на идеализированный объект – «всеобщее» в форме «научного знания». Последнее приобретает регламентирующую функцию: социальную жизнь, наполненную флуктуациями случайных отклонений, необходимо корректировать, исходя из научно обоснованных «поправок». В социально-психологическом плане опора на данную модель коммуникации устремлена не столько к развитию взаимопонимания, сколько на усиление чувства «онтологической безопасности» (Э. Гидденс), в том числе за счёт поддержания иллюзии тотальной управляемости социальными и политическими процессами. Не удивительно, что в политическом аспекте данный проект коррелирует с идеей неизбежности «постсуверенизации» – постепенного разложения национальных государств и замещения их гетерогенными сетевыми сообществами.

Вместе с тем, развитие науки сегодня не только глобально, но и национально: наука «встроена» в границы национальных культур, связывающих ценностные установки с определённым языком и «стилем мышления». Внутренние противоречия, присущие научному знанию, таким образом, проявляются в неустранимом элементе субъективности, сохраняющем импульс устремлённости к истине не из усреднённого стандарта языка глобализации (например, «технического английского» – Globish), но из развитого и гибкого языка национальной культуры. Внимание к онтологическим, гносеологическим и аксиологическим границам науки при дальнейшей разработке стратегий коммуникации позволяет уточнить её возможности и границы в современной культуре.

Ключевые слова. Культура и дипломатия, «наука без границ», язык науки, постсуверенизация, национальные интересы, научные фонды, «новый университет».

Актуальность изучения вопроса о границах современной науки сквозь призму соотношения науки как сферы человеческой деятельности с такими её областями, как культура и дипломатия, определяется необходимостью улучшения климата международного сотрудничества в различных областях. Наука в данном случае выступает и как отдельная сфера взаимодействия ученых различных стран, и как тот относительно самостоятельный социальный интегратор, который призван обеспечить устойчивый консенсус на основании апелляции к объективному знанию – взамен ссылок на исключительное право субъективного подхода со стороны каждого из участников международного процесса. Понятие «национального интереса» в этом случае не исключается из дискурса международных отношений, но ему придается новый смысл, синтезирующий национально-государственные приоритеты и ту объективную линию взаимодействия, где проигрыш одного из участников «портит» общую картину для каждого из «игроков».

Методология подобного исследования предполагает обращение к общенаучным методам объективности и историзма, а также системности – настолько, насколько это позволяет широта заявленной проблематики. Философское изучение темы «культура и дипломатия» применительно к проблеме границ современной науки предполагает также опору на категориальный анализ, применение аксиологического подхода и стратегии компаративного анализа.

Если говорить о теоретических наработках в данной области, то нельзя обойти вниманием работы мыслителей, писавших о современной философии науки [24, 9; 17], связи науки и философии [3, с. 3-14; 14, с. 42-44], а также труды по научной дипломатии, созданные представителями научной школы МГИМО [20; 1; 10; 15], включая исследования, посвященные трансформациям современного образования [21] в параллели с политическими преобразованиями [12; 13] и развитием языка [19].

Особый интерес представляет с этой точки зрения изучение процессов на Балканах, где, как в капле воды, отражаются узловые противоречия современного общественного развития, а также реализуются наиболее яркие проекты преодоления этих противоречий. В частности, не так давно в Сербии, в Приштинском университете (г. Косовская Митровица), состоялась конференция «Наука без границ» (21-22 сентября 2017 г.), посвящённая всестороннему рассмотрению динамики научного знания в современном мире, трансформации подходов, проблематики, областей применения и влияния науки на жизнь общества.

Найденный организаторами в обширном словаре современного знания концепт «науки без границ», стянувший в единое смысловое поле все эти аспекты, представляется удивительно удачным. И прежде всего, своей провокативной парадоксальностью: наука как точное и/или строгое знание «по определению» претендует на установление границ (в том числе и своих собственных), а не на их размывание. В современной науке утверждение «неоправданно расширительная трактовка» – едва ли не самое резкое выражение, квалифицирующее ненаучный подход к тому или иному понятию.

С другой стороны, понятен идейный импульс, положенный авторами идеи в основу концепта «науки без границ» и того замечательного мероприятия, которое прошло на Косово: наука, если это наука, не зависит от политических, идеологических, классовых и т.п. границ. Знание, стремящееся к истине, направлено к созданию максимально объективной картины происходящего, независимой от континента, цвета кожи и прочих характеристик познающего. Таким образом, наука преодолевает политические границы, объединяя людей в свете общности стремления к истине и утверждая лидирующую роль знания в организации современного общества.

Ключевой доклад на пленарном заседании был сделан Л.А. Френчем, профессором университета в Нью Хэмпшире

(США). Название его весьма красноречиво выражает основную мысль докладчика: «Человеческое понимание VS искусственный интеллект: гештальт VS машинный язык». Отмечая, что образы формируются в культуре народа на основании опыта повседневного общения, профессор подчеркнул, что истина познается только благодаря строгим научным изысканиям. Искусственный интеллект, согласно его точке зрения, позволяет сделать реальностью проект наиболее точного знания, общего для всех. Образы принадлежат чувственности, ей и надо их предоставить. Но своё поведение (особенно – в политическом измерении) люди должны строить, исходя из расчёта, основанного на всеобщей истине научного знания [28, с. 6].

Можно дополнить это рассуждение и довести его до логического конца, напомнив, что сам «машинный язык» является «порождением» команды программистов. Он основан на принятых ими допущениях и отражает, в конечном итоге, существующую в их головах картину мира. Пусть даже высшей ценностью здесь будет ориентация на всеобщую истину, - увы, говорить от *её лица* не может даже искусственный язык.

Другой по внешним признакам подход был представлен на следующий день в пленарном докладе профессора Александры Перович (Лондонский университетский колледж, Соединённое Королевство). Доклад был посвящён рассмотрению оптимизации процесса освоения английского языка различными группами боснийцев, сербов, хорватов и черногорцев, обучающихся в Британии.

Одним из примеров, иллюстрирующих сложности вхождения в детали языка для ряда групп испытуемых (способных, тем не менее, выучить как лексику, так и грамматику), был избран случай с составлением рассказа по комиксам «истории с лягушкой». Эти рисунки изображают встречу мальчика с земноводным. Затем лягушка убегает, мальчик её ищет и не может найти. Неожиданно ему на помощь приходит щенок. Лягушка найдена, все счастливы. Низкие показатели, по мнению докладчика, проявились в неспособности обучаемых к строгому мышлению, соответствующему высокой культуре английского языка (а не просто его лексике и грамматике): они начинали «домысливать» ситуацию (кто этот мальчик, как зовут щенка и т.д.), вместо того, чтобы следовать сути изложения последовательно развивавшейся ситуации.

Комментируя этот доклад, необходимо отметить: развитие творческого воображения, которое до недавних пор было принято считать необходимым элементом в традициях начального образования в славянских странах, в данном случае считается глубинным сбоем семантических (а не прагматических) «настроек», лишающих носителей этого «порока» возможности адаптироваться в культуре Британии. Однако это тем более странно, что английская культура известна во всём мире богатством своих интеллектуальных и эмоционально-образных находок, требовавших от её создателей недюжинного воображения. Таковы и Дж. Чосер и Дж. Мильтон, Дж. Китс и поэты «Озёрной школы», Р. Бёрнс и лорд Байрон; Дж. Рейнолдс и У. Тёрнер. Причём было бы неверно сказать, что творчество У. Шекспира при яркой образности лишено интеллектуализма, а философским сочинениям Т. Мора и Т. Гоббса не хватает образности.

Отмечая «несоответствие» решений, предложенных тестируемыми с «низкими когнитивными способностями» [28, с. 3], автор немного лукавит – не сообщая, была ли поставлена перед испытуемыми задача передать исключительно функциональные элементы действия, развёртываемого на картинках. В результате автора можно было бы заподозрить в намеренном уклонении от решения поставленной задачи и конструировании в сознании обучаемых латентного образа людей-функционалов, которым не положено в силу своего социального положения иметь «больше» воображения, чем это отведено машине, запрограммированной на последовательное выполнение ряда операций. Для утверждения в сознании подобных стратегий поведения

не нужно обучать чему-то большему, чем «технический английский» – Globish, – на котором возможно скоординированное взаимодействие в низовых структурах производственного цикла [2; 22; 27], в том числе, в процессе производства современного научного знания [26; 29].

Менеджмент и топ-менеджмент, предполагающие более свободное владение языком, которое возможно развить только при отсылке к объёмному смыслу, не заложены в проект подобного глобального образования «по определению». Впрочем, научная добросовестность автора сомнений не вызывает, поэтому вменить ему ответственность за выходящее за рамки научности «намерение» будет не корректно. Скорее, описанная ситуация демонстрирует несоизмеримость стилей мышления. Её анализ указывает на то, что для корректировки освоения стиля мышления, свойственного определённой культуре, действительно мало освоить лексику и грамматику. Необходимо более глубокое и разностороннее коммуникативное взаимодействие *компаративного типа*, учитывающее особенности как обучаемого, так и обучающего.

Иной вариант глобального взаимодействия в сфере науки и образования был представлен в пленарном докладе Г. Лоиса, профессора гуманитарного факультета Открытого университета Патроса (Греция). Говоря о международных отношениях без границ, профессор Лоис подчеркнул единство сербского и греческого народа, имеющих общую историю, разделяющих ценности православия и имеющих опыт национально-освободительной борьбы. Единодушную поддержку аудитории вызвал его развёрнутый рассказ об истории династических браков царствовавшего византийского дома и сербских княжеских родов, а также выраженная в заключение выступления надежда на неизменную дружескую поддержку Сербии со стороны Греции, уже вошедшей в состав Евросоюза и имеющей богатый опыт пребывания в нём.

Т. Клиффорд-Амос, профессор католического университета в Лилле (Франция), поведал собравшимся о парадоксе феномена междисциплинарности. Он продемонстрировал его в предложенной вниманию собравшихся презентации картинку, изображающую модель солнечной системы – как метафору взаимодействия, к которому должны прийти все разумные люди в поиске истины, научной и политической. Профессор не упомянул, является ли данная аналогия буквальной; поэтому вопрос о том, кто из политических светил может претендовать на роль Солнца в его модели, остался непрояснённым. На этом пленарные доклады были исчерпаны.

Завершая краткий обзор конференции, следует упомянуть о тематическом богатстве секционных заседаний. История и язык Сербии; культуры и языки мира (отдельно – секции, посвящённые греческому и английскому); русский и сербский языки в истории и культуре; «филология без границ»; современная и средневековая поэзия; культурное наследие, религия и наука; философские проблемы искусства; психология, социология и педагогика; аксиология и проблемы идентификации; специфика современного научного знания; медицина; дипломатия, - все эти темы так или иначе были отражены в работе 29 сессий различных секций, работавших параллельно во второй день конференции. Разброс мнений, представленных здесь, впечатляет. И уже поэтому конференцию следует считать успешной – её организаторам и участникам удалось создать атмосферу плодотворной дискуссии, открывшей новые горизонты и надолго «зарядившей» энергией в поиске и развитии новых идей и аргументов.

Пример работы конференции в Митровице показывают, что вопрос о границах науки – и как системы знания, и как социального института – весьма многогранен. Для его детальной проработки требуется «развести» несколько близких (и в то же время не совпадающих) ракурсов, содержащихся в характерной для индустриального общества оптимистической мифологеме «бесконечности познания и всесилия науки», а также те

идеолого-мировоззренческие подходы, которые связаны с современными глобальными процессами и сопровождающими их политическими стратегиями.

Однако прежде всего необходимо иметь в виду объективные факторы: эволюцию самого познания и отношения к нему со стороны человека и общества; а также специфический характер развития исследований по истории научного знания, которое в настоящее время, благодаря философии науки XX в., принято считать некумулятивным. Суммируя распространённые в настоящее время подходы, необходимо выделить отличие научного, ненаучного и паранаучного знания, свидетельствующие в том числе о кризисе трактовки научного знания как «ассимптотического приближения к истине». Напомним, что современная модель науки оказывается ближе к конструктивистским моделям трактовки научного знания: человек с помощью научного инструментария находит ответы на те вопросы, которые сам способен задать, «вырезая» из действительности те элементы, которые ему удобно сложить в приемлемую с логической и практической точек зрения «картину мира».

Вместе с тем, было бы абсурдно игнорировать тот очевидный факт, что научное знание в строгом смысле направлено не на конструирование знания, а на попытку разобраться в устройстве действительности [16, с. 35-37], [5]. Здравый смысл, не так давно отвоевавший у формализованных показателей право вернуться в науку в качестве допустимого познавательного критерия [4], заставляет задаться вопросом о границах научности в рамках других познавательных стратегий. Как минимум, научности противостоят религиозное и художественное познание; философию тоже далеко не все философы согласны отнести к науке.

Правда, в этой связи возникает вопрос: можно ли считать, что наука так же независима от мировоззренческих и культурных оснований, как она независима в идеале от ценностей политических и идеологических? Ответ на этот вопрос далеко не однозначен. Прежде всего, потому, что современная философия науки настаивает на своеобразном «возвращении субъекта» в поле научного знания, когда речь идёт об «идеале открытости сознания к разнообразию подходов», «тесному взаимодействию … менталитетов разных культур» даже когда речь заходит о «диалоге с природой в новом типе рациональности» [17, с. 360]. При этом утверждается, что возможности объективного познания зависят не только от существующих на конкретный момент инструментов и методик, но – что является определяющим при синхронном «срезе», – от научной школы, к которой принадлежит тот или иной исследователь; от «ценностей и образцов» «производства научного знания» [17, с. 70].

Если это так даже для «физики» [25], то что же говорить о «лирике» – тех научных дисциплинах, где ценностный аспект выступает на первый план [6]? Отчасти поэтому имеет смысл, вслед за Э. Гуссерлем, признать специфику истинности в философии (а также гуманитарном знании) за счёт интерпретации «объективности» как «строгости» [17, с. 10-11], связанной с последовательной доказательностью. В отличие от «точных» наук, здесь нет стремления не только к полной формализации (она, как известно, невозможна [17, 43]), но и к полной исчислимости. В свою очередь, «постнеклассическая рациональность» расширяет границы науки до «постнеклассического» знания [17, с. 89, 315 325], вводя в параметры научности социокультурный контекст. И одновременно выводит науку из области сознания в область преобразовательной деятельности.

Рост качественных методик исследования (даже в традиционно «точных» направлениях научного знания – например, в экономике [18], где одним из ключевых показателей сегодня оказалась такая «размытая» категория, как «ожидания» [30, с. 6], определяющая «архитектуру выбора» [6, с. 105]), косвенно подтверждает единство научного знания. Ведь его «перекос» в сторону доверия к непогрешимости результатов количественных

подсчётов нередко приводил к абсурдной в основе своей ситуации, когда «считаем то, что хотим сосчитать», – а потом с радостью обнаруживаем, что дело обстоит именно так, как представлялось, а не иначе. Подобные «перекосы» свойственны, прежде всего, конструктивистскому подходу, оказавшемуся сегодня в приоритетном положении по отношению к другим точкам зрения (возможно, в силу своей ориентации на конкретный результат) – и вместе с тем не лишённым своих собственных «ограниченностей» и сопряжённых с этим эпистемологических аберраций.

В качестве образца подобных коллизий можно привести историю с понятием «верующий», ставшую предметом оживлённых научных дискуссий между религиоведами, социологами религии и представителями ряда конфессий в российском научном сообществе. По мнению одних, считать количество «верующих» надо, исходя из общего числа тех, кто при анкетировании заявил себя таковым. Другие исследователи настаивают на более определённых критериях выделения «верующих» (периодичность посещения богослужений, участие в таинствах для верующих-христиан, знание вероучительной основ «своей» конфессии и т.д.). Понятно, что разброс данных может оказаться весьма значительным в зависимости от исходной интерпретации понятия, концептуализирующего явление действительности (в данном случае – «верующие» как группа последователей какой-либо конфессии), а также от тех параметров, которые будут избраны в качестве ключевых для выявления на соответствие этому понятию. Невольно вспоминаются слова автора «Левиафана»: «… если бы истина, что три угла треугольника равны двум углам квадрата, противоречила бы чьему-либо праву на власть или интересам тех, кто уже обладает властью, …учение геометрии было бы если не оспариваемо, то вытеснено сожжением всех книг по геометрии» [7, с. 133].

Сказанное позволяет уточнить вопрос, заявленный в заглавии данной статьи: каким образом культура и дипломатия могут сотрудничать в процессе «расширения границ» современной науки как области знания и социального института, чья деятельность направлена на развитие международного сотрудничества и скоординированного взаимодействия между представителями разных государств и народов. А именно, важнейшей проблемой, латентно присутствующей в поставленном вопросе, является тема «постсуверенизации» как явления интеграции культур в единое политическое пространство, основанное на идеях «общества знаний» и «торжества демократии». Не останавливаясь отдельно на собственно политологическом аспекте рассмотрения данной проблемы, хотелось бы отметить те ключевые положения, которые связаны с философско-аксиологическим ракурсом её анализа.

Первое. Сегодня мировым сообществом не решён ключевой вопрос о соотношении национальных суверенитетов и проектов «глобального человечества». «Наука без границ» – один из вариантов таких моделей, претендующих на объективность, не лишённых и ценностного фундамента. Данный фундамент состоит в признании первостепенной задачи создания «глобального человечества» путём имплементации «глобальной науки» в социальные тела современных государств с перспективой последующей интеграции социального, а затем и политического профиля – «постсуверенизацией» [8, с. 63-75].

Решение такой задачи, как переход к организационному принципу субсидиарности (решение задач на максимально «низовом» уровне, без привлечения «центра») в современной науке достигается путём обращения к международным и национальным фондам [11; 1]. Уже это не позволяет утверждать однозначность перспективы «конца» эры суверенитетов. Скорее, речь идёт о появлении новых проблем, требующих уточнения *целей* [23], руководящих решениями в организационной и политической сфере. Концепт *«науки без границ» переводит это социальное настроение в политическую плоскость, создавая, наряду с про-*

чим, иллюзию неизбежности «постсуверенизации».

Второе. Идеалом знания в таком случае выступает прежде всего естествознание и технические дисциплины, раскрывающие идеалы индустриальной эпохи (и потому сильно запаздывающие по отношению к установкам современности). Можно предположить, что объектами имплементации проекта «науки без границ» являются общества, оценённые его авторами как «доиндустриальные», и потому нуждающиеся в «доработке» своего сознания до соответствующего исторического уровня. Гуманитарные науки в таком случае остаются на периферии знания, выступая в роли этнографических «мифологем», хранящих образы чувственности для обыденного употребления.

Образованный же человек должен ориентироваться не на них, а на «всеобщее знание», заключённое в культурах, способных создать «машинный язык» и «искусственный интеллект». Однако «немашинное» мышление представляет собой социально значимый феномен, имеющий место и в технологически продвинутых культурах. Его утрата значительно обеднит «культурный генофонд» всего человечества. Парадокс несоизмеримости «машинно-технологического» и «альтернативного ему» мышления – один из двигателей развития человечества. Выравнивание ситуации по азимуту искусственного «онаучивания» культурной среды, достаточно давно производившееся и получившее в наше время второе дыхание, вряд ли приведет к искомой оптимизации межкультурного взаимодействия, сведя на нет действительный конфликт интерпретаций (который имеет место не столько в межнациональной сфере, сколько в несводимых друг к другу сферах человеческой деятельности).

Третье. Модель «науки без границ», распространяя своё влияние в силу притягательности идеи «подлинного знания», основанного на расчёте (и потому верифицируемого и доказательного), рискует превратиться в новую мифологему, требующую лишь признания и постепенно утрачивающую признаки научности (в частности, фальсифицируемость, то есть принципиальную опровержимость, требуемую для демаркации научного знания от ненаучного, идеологии и религии). Мифологизация и идеологизация научного знания приводит к его самоотрицанию.

Четвёртое. В настоящее время в мире действует ряд проектов, связанных с «глобальным образованием» и реализующих установку на развитие проекта «науки без границ». Их деятельность также поддерживается международными и национальными фондами, что позволяет создателям данной модели надеяться на реализацию «мягкого» варианта глобальной интеграции, оставляющей за игроками политического поля некоторый выбор : идти ли по пути универсализации сознания и культурной унификации в рай индустриального и постиндустриального будущего; или остаться со своими «национальными ценностями» в Лимбе доиндустриального мира. Дано ли человечеству нечто третье – об этом пока трудно судить.

Перечисленные проблемы показывают спектр тех сложностей, с которым сталкивается проект обновленного сциентизма начала XXI в., создавшего условия для реализации модели глобальной государственности исходя из парадоксальной модели торжества всеобщности при решении типовых социальных задач. Тем не менее, при всей разнице подходов и кажущейся наивности описанная модель имеет высокие шансы на успех в качестве регулятивного принципа, возрождающего хорошо забытый кантовский ригоризм в форме аксиологического фундамента «глокальных» процессов. К тому же за ней стоит не только мощное финансирование национальных и международных научных фондов, но и поддержка со стороны мирового научного сообщества, то есть со стороны тех интеллектуалов, которые способны повлиять на реальную политику. В том числе, и оказавшись в рядах представителей научной дипломатии.

Список литературы:

1. Блинов А.Н., Коннов В.И. Национальные научные фонды и финансирование фундаментальной науки // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 6. С. 5-13.
2. Воевода Е.В. Еще раз о роли английского языка как глобального в развитии европейского образования // НИР: Современная коммуникативистика. 2013. № 5. С. 34-43.
3. Гайденко П.П. Проблема рациональности на исходе XX века // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 3-14.
4. Гирц К. Здравый смысл как культурная система. URL : http://magazines.russ.ru/nz/2007/54/gi3.html
5. Глаголев В.С. Реализм анализа – исходное условие научной перспективности (содоклад) // Право и управление. XXI век. 2011. № 4. С. 12-18.
6. Глаголев В.С. Эпистемологические парадоксы исторической науки / Философия и методология истории. Сборник научных статей VI Всероссийской научной конференции. 2015. С. 36-42.
7. Гоббс Т. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 2. М.: Мысль, 1965. 703 с.
8. Кочетков А.П. Национальное государство в условиях глобализации // Полис. Политические исследования. 2014. № 4. С. 63-75.
9. Лакатос И. История науки и ее рациональные реконструкции // Прил. к кн.: Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2001. 320 с.
10. Медведева С.М. Ученые об ученых: попытка реконструкции образа российского ученого по материалам «Вестника РАН» // Вестник МГИМО Университета. 2013. № 1 (28). С. 171-179.
11. Национальные фонды поддержки науки в контексте общества знаний. М.: МГИМО, 2016. – 216 с.
12. Пономарева Е.Г. Восстание суверенитетов, или какое будущее ждет Европу на фоне глобального кризиса? / Цивилизация и вызовы времени: лекционный курс. М.: Фонд исторической перспективы, 2017. С. 227- 244.
13. Пономарева Е.Г. Экспансионизм, изоляционизм или Новое Средневековье? Америка в поисках выхода из глобального тупика // Обозреватель. 2017. № 4. С. 15-32.
14. Севальников А.Ю. Физика и философия: старые проблемы и новые решения // Философский журнал. 2016. Т. 9. № 1. С. 42–60.
15. Силантьева М.В. Проблемы логики и теории познания в современном гуманитарном знании. Учебно-методическое пособие для студентов и аспирантов / Москва, 2006. 47 с.
16. Смирнов А.В. Сознание как смыслополагание // Философский журнал. 2014. № 1 (12). С. 35-57.
17. Степин В.С. Философия науки. Общие проблемы. М.: Гардарики, 2006. 384 с.
18. Талер Р. Новая поведенческая экономика. Почему люди нарушают правила традиционной экономики и как на этом заработать = Misbehaving: The Making of Behavioral Economics. М: Эксмо, 2017. 368 с.
19. Тяпко Г.Г. Сербская языковая ситуация в свете коммуникативной лингвистики: смена или преемственность научных парадигм? Совещание-семинар преподавателей славянских языков. Материалы и тезисы докладов. 1999. С. 41-44.
20. Шестопал А.В., Литвак Н.В. Научная дипломатия. Опыт современной Франции // Вестник МГИМО Университета. 2016. № 5 (50). С. 106-114.
21. Шестопал А.В., Силантьева М.В. Межкультурная коммуникация в свете современных модернизационных процессов / Межкультурная коммуникация: современная теория и практика. Материалы VII Конвента РАМИ: Научное издание. Под редакцией А. В. Шестопала, М. В. Силантьевой; ответственный редактор А. В. Мальгин. 2013. С. 10-16.
22. Castillo M. Globish and the Empire // American Journal of Neuroradiology. 2011. Vol. 32. №. 8. P. 1363-1364.
23. Chinnammai S. 2005. Effects of globalisation on education and culture. ICDE International Conference. November 19-23, 2005, New Delhi. URL: http://guidedresearchwriting.pbworks.com/ (accessed: 1.05.2017).
24. For and Against Method: Including Lakatos's Lectures on Scientific Method and the Lakatos-Feyerabend Correspondence with Imre Lakatos. USA: University of Chicago Press, 1999. 451 p.
25. Glagolev V.S. Cooperation of technologic and scientific knowledge in development of European culture / European Science and Technology materials of the VI International research and practice conference. 2013. C. 171-174.

26. Masotti A. 'Globish-lization': a worldwide non-native English problem or a chance to evolve? // Trends in microbiology. 2014. Vol. 22. №. 1. P. 1.
27. Mikeshina L.A. Social philosophy of science: unexpected Russian roots // Social Epistemology. 2017. Т. 31. № 1. С. 25-37.
28. Наука без граница. 21-22 септембар. Зборник резимеа. Република Србија. Канцеларија за Косово и Метохију. Косовска Митровица: Филозофски факултет Универзитета у Приштини, Косовска Митровица, 2017. 319 стр.
29. Norris V. Scientific Globish: clear enough is good enough // Trends in microbiology. 2013. Vol. 21. №. 10. P. 503-504.
30. Thaler Richard H., Sunstein Cass R. Nudge: Improving Decisions about Health, Wealth, and Happiness. New Haven and London: Yale University Press, 2008. 293 p.

Об авторе:

Силантьева Маргарита Вениаминовна – д.филос.н., профессор, зав. кафедрой философии МГИМО МИД России. 119454, Москва, пр. Вернадского, 76. Научная специализация: философия религии, религиоведение, философия культуры, культурология. E-mail: kfmgimo@gmail.com.

THE PROBLEM OF CONTEMPORARY SCIENCE BOUNRDARIES: CULTURE AND DIPLOMACY

M.V. Silantieva

Abstracts. *The problem of contemporary science boundaries considered through the concepts of "culture" and "diplomacy" seems relevant due to its pragmatic angle. The redistribution of key international players together with an indirect globalization dynamics promotes innovative forms of organizational and communicative interaction in science and on the basis of science. The program "science without boundaries" is among these forms. Science is proposed to perform as an unconditional model of the "correct" communication format for all parties involved, embodying a model of harmonizing interests through the appeal to the authority of postrationality that is an evidentiary intersubjective knowledge, verifiable and falsifiable.*

This way, "science without boundaries" is a rational strategy of a step-by-step progress towards better cooperation and mutual support between all participants involved. They are offered a common cultural platform for reaching mutually beneficial agreements, quite realistic and at the same time focused on an idealized object – "the Universal" in the form of "scientific knowledge". The latter acquires a regulatory function: the social life filled with coincidental fluctuations should be adjusted according to scientifically well-grounded "amendments". Such a model of communication is aimed at the development of mutual understanding or, rather, strengthening the sense of "ontological security" (A. Giddens) maintaining the illusion of total controllability of social and political processes. No wonder that politically this project correlates with the idea of the "postsovereignization" inevitability – the gradual national states' collapse and their replacement by heterogeneous network communities.

At the same time, science keeps developing globally as well as nationally: it is "embedded" in national cultures' borders connecting values with a certain language and "thinking style". Thus internal contradictions common to scientific knowledge are manifested in essential subjectivity preserving aspiration to the truth not though the average language of globalization (e.g. "technical English" – Globish), but through the advanced and flexible language of the national culture. Attention to ontological, epistemological and axiological science boundaries when investigating communication strategies provides insight into its possibilities and boundaries in contemporary culture.

Key words. *Culture and diplomacy, "science without boundaries", language of science, postsovereignization, national interests, science foundation, "new university".*

References:

1. Blinov A.N., Konnov V.I. Natsional'nye nauchnye fondy i finansirovanie fundamental'noi nauki [National social foundations and funding for fundamental science]. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia* [Global economy and international relationships]. 2017. Vol. 61, no. 6, pp. 5-13 (In Russian).
2. Voevoda E.V. Eshche raz o roli angliiskogo iazyka kak global'nogo v razvitii evropeiskogo obrazovaniia [Back to the role of global English in European education]. *NIR: Sovremennaia kommunikativistika* [R&D: modern communicativistics]. 2013. no.5, pp. 34-43 (In Russian).
3. Gaidenko P.P. Problema ratsional'nosti na iskhode XX veka [Problem of rationality in the end of XX centure]. *Voprosy filosofii* [Philosophical issues]. 1991. no. 6, pp. 3-14 (In Russian).
4. Girts K. Zdravyi smysl kak kul'turnaia sistema (Common sense as a cultural system) Available at: http://magazines.russ.ru/nz/2007/54/gi3.html
5. Glagolev V.S. Realizm analiza – iskhodnoe uslovie nauchnoi perspektivnosti (sodoklad) [Realism of analysis as original condition of scientific viability (co-report)]. *Pravo i upravlenie. XXI vek* [Law and government. XXI centure]. 2011. no. 4, pp. 12-18 (In Russian).
6. Glagolev V.S. Epistemologicheskie paradoksy istoricheskoi nauki [Epistemological paradoxes of historical science]. *Filosofiia i metodologiia istorii. Sbornik nauchnykh statei VI Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii* [Philosophy and metodology of history. Collection of articles for VI all-Russian scientific conference]. 2015, pp. 36-42 (In Russian).
7. Gobbs T. Izbrannye proizvedeniia v 2-kh tomakh [Selected works in 2 vol]. Vol. 2. Moscow: Mysl', 1965. 703 p. (In Russian).
8. Kochetkov A.P. Natsional'noe gosudarstvo v usloviiakh globalizatsii [national state in globalizing world]. *Polis. Politicheskie issledovaniia* [Policy. Political resurches]. 2014. no. 4, pp. 63-75 (In Russian).
9. Lakatos I. Istoriia nauki i ee ratsional'nye rekonstruktsii [Science history and it's rational reconstructions]. *Pril. k kn.: Kun T. Struktura nauchnykh revoliutsii* [Book supplement for "Structure of scientific revolutions" by T. Kun]. Moscow: AST, 2001. 320 p. (In Russian).
10. Medvedeva S.M. Uchenye ob uchenykh: popytka rekonstruktsii obraza rossiiskogo uchenogo po materialam «Vestnika RAN» [Scientists about scientists: try to reconstruct Russian scientist's idea with "Vestnik RAN" materials]. Vestnik MGIMO Universiteta, 2013, no. 1 (28), pp. 171-179 (In Russian).
11. Natsional'nye fondy podderzhki nauki v kontekste obshchestva znanii [National foundations for the support of science in the knowledge society context]. Moscow: MGIMO, 2016. 216 p. (In Russian).
12. Ponomareva E.G. Vosstanie suverenitetov, ili kakoe budushchee zhdet Evropu na fone global'nogo krizisa? [Uprising of sovereignties or which future is possible for the Europe within the context of global crisis?]. *Tsivilizatsiia i vyzovy vremeni: lektsionnyi kurs* [Civilization and the challenge of time: the course of lections]. Moscow: Fond istoricheskoi perspektivy, 2017. Pp. 227-244 (In Russian).
13. Ponomareva E.G. Ekspansionizm, izoliatsionizm ili Novoe Srednevekov'e? Amerika v poiskakh vykhoda iz global'nogo tupika [Expansionism, isolationism or the New Middle Ages? America in search of a way out of global impasse]. Obozrevatel', 2017, no.4, pp. 15-32 (In Russian).
14. Seval'nikov A.Iu. Fizika i filosofiia: starye problemy i novye resheniia [Physics and philosophy: old problems and new decisions]. *Filosofskii zhurnal* [Philosophical journal]. 2016. Vol. 2, no. 1, pp. 42-60 (In Russian).
15. Silant'eva M.V. Problemy logiki i teorii poznaniia v sovremennom gumanitarnom znanii. Uchebno-metodicheskoe posobie dlia studentov i aspirantov [Problems of logic and theory of knowledge in modern humanitarian knowing. Training manual for students and graduate students]. Moscow: 2006. 47 p. (In Russian).
16. Smirnov A.V. Soznaniye kak smyslopolaganiye [Consciousness as a sense of meaning]. *Filosofskii zhurnal* [Philosophical journal]. 2014. № 1 (12), pp. 35-57 (In Russian).
17. Stepin V.S. Filosofiia nauki. Obshchie problemy [Philosophy of science. Common problems]. Moscow: Gardariki, 2006. 384 p. (In Russian).
18. Taler R. Novaia povedencheskaia ekonomika. Pochemu liudi narushaiut pravila traditsionnoi ekonomiki i kak na etom zarabotat' [Misbehaving: The Making of Behavioral Economics]. Moscow: Eksmo, 2017. 368 p. (In Russian).
19. Tiapko G.G. Serbskaia iazykovaia situatsiia v svete kommunikativnoi lingvistiki: smena ili preemstvennost' nauchnykh paradigm? [Serbian linguistic situation in the context of communication linguistics: change or continuity of national paradigmes?]. *Soveshchanie-seminar prepodavatelei slavianskikh iazykov. Materialy i tezisy dokladov* [Meeting-seminar of Slavic languages teachers. Materials and thesises of reports]. 1999, pp. 41-44 (In Russian).

20. Shestopal A.V., Litvak N.V. Nauchnaia diplomatiia. Opyt sovremennoi Frantsii [Scientyfic diplomacy. Modern France experience]. Vestnik MGIMO Universiteta, 2016, no. 5 (50), pp. 106-114 (In Russian).
21. Shestopal A.V., Silant'eva M.V. Mezhkul'turnaia kommunikatsiia v svete sovremennykh modernizatsionnykh protsessov [Intercultural communication in the context of contemporary modernization of processes]. *Mezhkul'turnaia kommunikatsiia: sovremennaia teoriia i praktika. Materialy VII Konventa RAMI: Nauchnoe izdanie. Pod redaktsiei A. V. Shestopala, M. V. Silant'evoi; otvetstvennyi redaktor A. V. Mal'gin* [Intercultural communication: contemporary theory and practice. Manuals of VII Konv. RAMI: scientific publication. Ed. by A.V. Shestopal, M. V. Silantieva, main ed. A.V. Malgyn]. 2013. pp. 10-16. (In Russian).
22. Castillo M. Globish and the Empire // American Journal of Neuroradiology. 2011. Vol. 32. №. 8. P. 1363-1364.
23. Chinnammai S. 2005. Effects of globalisation on education and culture. ICDE International Conference. November 19-23, 2005, New Delhi. URL: http://guidedresearchwriting.pbworks.com/ (accessed: 1.05.2017).
24. For and Against Method: Including Lakatos's Lectures on Scientific Method and the Lakatos-Feyerabend Correspondence with Imre Lakatos. USA: University of Chicago Press, 1999. 451 p.
25. Glagolev V.S. Cooperation of technologic and scientific knowledge in development of European culture / European Science and Technology materials of the VI International research and practice conference. 2013. C. 171-174.
26. Masotti A. 'Globish-lization': a worldwide non-native English problem or a chance to evolve? // Trends in microbiology. 2014. Vol. 22. №. 1. P. 1.
27. Mikeshina L.A. Social philosophy of science: unexpected Russian roots // Social Epistemology. 2017. Т. 31. № 1. С. 25-37.
28. Наука без граница. 21-22 септембар. Зборник резимеа. Република Сербија. Канцеларија за Косово и Метохију. Косовска Митровица: Филозофски факултет Универзитета у Приштини, Косовска Митровица, 2017. 319 стр.
29. Norris V. Scientific Globish: clear enough is good enough // Trends in microbiology. 2013. Vol. 21. №. 10. P. 503-504.
30. Thaler Richard H., Sunstein Cass R. Nudge: Improving Decisions about Health, Wealth, and Happiness. New Haven and London: Yale University Press, 2008. 293 p.

About the Author:

Margarita V. Silantieva – Doctor of Science (Philosophy), Professor , Head of the Department of Philosophy of MGIMO the Ministry of Foreign Affairs of Russia. Moscow State Institute of International Relations (University) of the MFA Russian Federation, Moscow 119454, prospect Vernadskogo, 76. E-mail: kfmgimo@gmail.com.